

— Хорошо?..

Я медленно подняла голову. Веки приоткрылись, являя мои чистые, словно изумруды, глаза, в которых отсутствовали какие-либо эмоции.

Глаза были будто у кукол, которых он однажды увидел в магазине. У неё всегда такие глаза спросонья? Всё было так же, когда он заглянул мне в глаза ранее.

Роуз поддержали горничные, пока она выходила из экипажа.

— Ты уже вернулась, тыквенный цветочек?

— Отвали.

Это был Берилл. Казалось, он только вернулся из кузницы. Я хотела обойти его, но брат оказался проворнее и преградил мне путь.

— Отец сказал, что ты читала любовные романы! Разве ты не знаешь, что если человек делает то, что не должен, он может умереть?

— Я сказала, отвали...

Берилл только сейчас заметил мальчика, которого Мира схватила сзади за шею. Он удивлённо вскинул брови.

— Хм, кто это такой?

Рика всё объяснила.

— Мальчишка украл мой кошелёк сегодня в центре города.

— Чего?!

Берилл повысил голос и немедленно гордо выпрямился.

— Как ты посмел украсть у тыквенного цветочка кошелёк?!

Его гнев был так велик, не сравнить с гневом горничных. Казалось, Берилл просто стоял перед ним, но мальчик чувствовал себя словно в огне под свирепым взглядом глаз моего брата. Мальчик, который до этого сидел тихо и безропотно, снова начал сопротивляться.

После того как он уже сделал вывод, что нет никого страшнее горничных, появился некто в тысячу раз опаснее. Берилл шаг за шагом приближался к нему.

— Хэй, он и так уродливый, что было бы, если бы у него не было денег!

— Он украл мой кошелёк, не молодой госпожи.

— О, да?

Вжух.

Огонь погас мгновенно, будто на него плеснули водой. Берилл махнул рукой, словно отгоняя надоедливых насекомых.

— Тогда этого достаточно. Вы же решите это недоразумение между собой, верно?

— Да, господин.

— Я пойду на тренировочную площадку.

«Да что тут за люди в этом поместье?» — подумал мальчик, провожая взглядом спину Берилла.

***

Как только я добралась до комнаты, уселась в мягкое, словно облако, кресло. Горничные поставили мальчика посреди комнаты, слегка надавив ему на плечи. Он легко сдался, опустившись на колени. Горничные начали отдавать ему приказы, один за другим.

— Встань на колени.

— Склони голову.

— Не смотри госпоже в глаза.

Я кивнула, глядя на разворачивающуюся сцену.

— Я хочу поговорить с ним. Все выйдете.

Горничные тут же запротестовали.

— Нет, госпожа! Мы не знаем, на что способен мальчишка.

— Прежде всего, он ребёнок, который яро ненавидит знать!..

Я устало посмотрела на горничных, щебетание которых в ту же секунду стихло.

— Если что-нибудь случится, вам стоит лишь закричать...

— Ничего не случится.

Мальчик перевёл взгляд на меня. То, что я только что сказала, не было простым отрицанием. Это самое сильное убеждение, с которым мальчик столкнулся в своей жизни. Он впервые сталкивается с таким обращением с карманниками из глухих переулков Рио. Мальчик, как и я, посмотрел на горничных.

— Ну если вы так говорите, госпожа.

— Тогда, госпожа, мы пойдём.

Его тревожность растаяла, как снег под весенним солнцем. Он уже десятки раз задумался о том, что же это за поместье. В это время Мира, которая как раз выходила из комнаты, одними губами прошептала:

«Склони голову».

Мальчик покорно последовал указаниям. Когда горничные вышли, в комнате повисла гробовая тишина. У мальчика уже онемели колени, он не поднимал глаз от пола.

Я слегка поменяла свою позу.

— Сядь удобнее и можешь поднять голову.

— Но...

— Быстро.

Мальчик заколебался, но затем вытянул ноги.

— Думаю, я наконец-то смогу пожить чуточку лучше, — произнёс мальчик, хлопнув себя по бёдрам, разбивая мышцы, и поднял голову. Я же внимательно глядела в окно.

Солнце уже садилось. Я поджала губы, купаясь в лучах заката.

— Ах...

Услышав, как я вздохнула, мальчик спросил, всё ли со мной в порядке.

Я никак не отреагировала. Как он может спрашивать меня о чём-то подобном сейчас? Даже если он был так уверен в своих словах ранее, ему стало стыдно за своё поведение, поэтому он издал какой-то жалкий звук.

Однако другого выбора у него не было, оставалось только спросить. Дети с больным горлом говорят похожим образом. Он думал о том, как справиться со всем этим.

— У меня ничего не болит.

Что с вами тогда? У мальчика в голове возник закономерный вопрос. Я расправила подол своего одеяния.

— Я просто чувствую, что ещё один день прошёл благополучно.

Разве не следует быть благодарным уже за это? Когда я подумала, что шире глаза мальчика уже не смогут стать, моё лицо, обычно лишённое эмоций, исказилось.

Я тоже это осознала, поэтому закрыла лицо ладонями, но было уже слишком поздно. Он уже всё увидел.

Увидел лицо, которое исказила гримаса боли.

<http://tl.rulate.ru/book/62792/3642683>